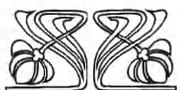
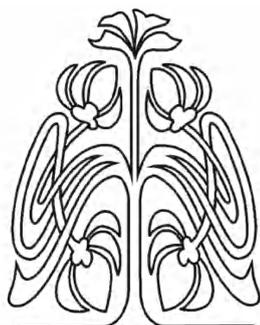
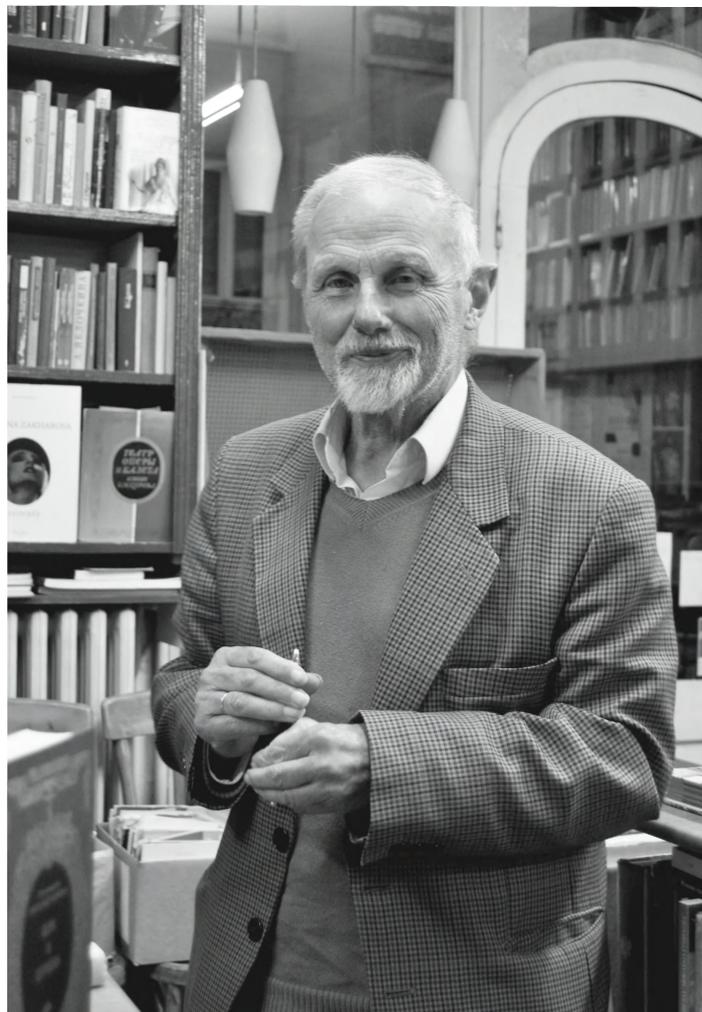
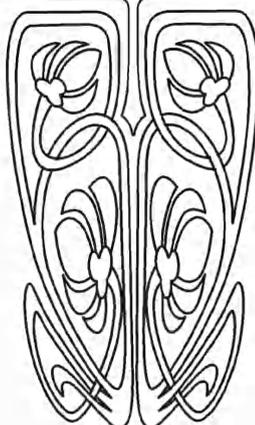

ПУБЛИКАЦИИ

ПУБЛИКАЦИИ

Н. А. Струве в издательстве YMCA-Press (Париж), 12 нояб. 2013 г.
Фото М. Ковалевой

ИНТЕРВЬЮ С Н. А. СТРУВЕ

К 50-летию первой публикации «Крохоток» А. И. Солженицына (Париж, 12 ноября 2013 года)

– Никита Алексеевич, меня интересует, прежде всего, именно Ваше видение «Крохоток» А. И. Солженицына. Когда Вы впервые прочли первый цикл крохотных рассказов?

– Не помню, в 1964 году¹ я их прочел или нет, – это мне трудно сказать. Но я их перечитывал несколько раз, поскольку это вещь для перечитывания. Открытие же Солженицына у меня было от его главной вещи – «Одного дня Ивана Денисовича», но и от «Матрёнинного двора» – это как и у всех в России было и, полагаю, почти у всех на Западе. И даже во Франции все-таки «Один день Ивана Денисовича» очень многих более или менее честных, более или менее путающихся

в коммунизме – интеллектуалов-коммунистов обратил. «Матрёнин двор» – то же самое, но уже в религиозном измерении. Почти все сказано в двух этих первых рассказах, которые сделали его знаменитым писателем. Так что «Крохотки» я прочитал, думаю, позже.

– После знакомства с Александром Исаевичем Вы стали «Крохотки» читать иначе? В новом свете?

– Для меня первая «Крохотка» – «Дыхание» – очень соединилась с одним эпизодом. В 1974 году, когда Солженицын приехал ко мне, я его увидел утром в саду в том состоянии, которое описано в «Дыхании»: он был и не был в каком-то смысле. И он, очевидно, переживал это состояние неоднократно. Но тут, стоя в саду, он целиком в это ушел. И я понял, что то, что я видел из окна, что видел в саду – со спины, – было просто как иллюстрация к «Дыханию». Удивительно в Солженицыне, что написанное им – это абсолютно им пережитое. Всё его творчество едино – это вся его жизнь.

– В беседе о русской литературе в свете современности, опубликованной в книге «Православие и культура», Вы заметили: «Самое высокое искусство – это то, которое постигает действительность во всем её измерении от преисподней до самого неба!» Как мне кажется, и «Крохотки» – это высокое искусство. Доступные и школьнику, они более опытному человеку открываются в большей глубине и устремленности в небо. В чём причина такой универсальности «Крохоток»?

– У Солженицына была универсальность в изучении и русской истории, и русских людей. Действительно, в «Крохотках» отражается что-то глубокое, целостное, природное – весь размер человечности. Солженицын в них одновременно необычайно глубок и чем-то прост. Они – это маленький отдых от себя и о себе.

– Вы уже отметили, что перечитываете «Крохотки». Почему? В чём их художественная сила?

– Я их перечитываю, как перечитывают стихи. «Крохотки» не похожи на остальное его творчество, обильное и пространное. «Крохотки» – это нечто поэтическое у Солженицына. Поэзия-то почти всюду присутствует в его романах, не только история. Поэзия – дыхание. И знаменательно то, что первая «Крохотка» – именно «Дыхание». Но Солженицын не владел стихотворным искусством: он не поэт в своих стихах. Я бы некоторые его стихи перевёл в «Крохотки». Поэму «Дороженьку» он писал наизусть – это была вынужденная поэзия. И потом, у него не было настоящей поэтической культуры, во всяком случае, на тот момент, когда он был в лагере. Может быть, он и до конца не овладел современной поэтической культурой по настоящему. А Наталия Дмитриевна этим жила, как и мы жили стихами Мандельштама, Пастернака. И «Крохотки», я думаю, имеют качество стихов в прозе. Кстати, в них есть интуиция: ведь проза и была делом Солженицына. После всей плеяды

русских и мировых поэтов рифмованные стихи изжили себя. А возродятся ли? Не знаю. Пушкин писал: «Четырёхстопный ямб мне надоел: им пишет всякий...». Амфибрахиями и анапестами тоже писали всякие.

– А Александр Исаевич освежал язык? В чём особенность его речи? Стиля?

– Прежде всего, у Солженицына удивительный язык. Он понимал, думаю, нутряно понимал, что нельзя писать по-тургеневски или изошренно по Белому. Я думаю так. Мы это специально не обсуждали. Хотя общались много. О стиле я, может быть, не умел спросить. А возможно, того и не хотел. Ему нужен был отдых, роздых от собственного творчества, ведь он весь день писал.

– Все переводы «Крохоток» на французский – это несколько сделанных Вами и один – супругой Ж. Нива? Почему никто не брался за них в целом?

– Переводить Солженицына вообще трудно. Я переводил Солженицына немного, но переводил. Выбирал главы, которые меня больше всего интересовали, или, скорее, больше мне говорили. Трудно переводить вообще, но особенно, когда такой сконцентрированный язык, как в «Крохотках». Он и прост, однако во многом нов: «многострадная» – так никто не говорит, даже не пишет. В «ошеломлении нынешнем»... (читает глазами крохотку «Молитва» из второго цикла) дальше – легче. Мною, например, может быть, до сих пор ощущается трудность его литературной речи. Крохотные рассказы очень нелегко переводить на французский. Само слово «крохотки» – сейчас я думаю над ним – оно непереводаемо. Обсуждали это и на парижской конференции, по которой издали книгу «Феномен Солженицына». Эти рассказы – «крохотки» по отношению к тому огромному, что он писал. Вообще, никто из переводчиков не может быть удовлетворен своим переводом. Наоборот, это страшно неблагодарный труд. Хотя отчасти это позволяет войти в язык и, может быть, даже в дух.

– Как бы Вы могли определить жанровые особенности «Крохоток»?

– Удивительно, что в большой русской литературе, в общем, этот жанр не известен. Есть у И. С. Тургенева стихотворения в прозе, но там нет такой силы, подобранности этой, хотя они чем-то трогательны. Я их тоже перечитываю. Как раз перечитывал, чтобы сравнить с «Крохотками». А «Крохотки» всё-таки звучат необычайно сильно. Хотя и не все: никогда не бывает всё на одном уровне, и каждому что-то ближе. Но, в общем, это новое литературное слово, ведь жанра крохоток не существует. А что делает, на мой взгляд, Солженицына бессмертным, великим писателем, это (конечно, язык, но и ещё) то, что он был способен на огромную форму. Он вообще все формы исполнил: рассказы, двучастные рассказы, крохотки... да и единственное, чего у него нет в творчестве, – это роман, или «только роман». «Только романа» у него нет, потому что Солженицын – это что-то

большее. Насколько он принадлежит эпохе, настолько принадлежит какой-то глубине, притом – все исторично, все подлинно. Всё это свидетельствует о солженицынской многообразности и вместе с тем единстве.

– *Никита Алексеевич, ведь если «Крохотки» – отдых, то он был нужен всегда. Как Вам кажется, почему для Солженицына невозможно было писать крохотные рассказы в Вермонте, как он сказал: «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там – не мог...»?*²

– Я думаю, что это – подлинность. Ему нужен был контакт с русской деревней, именно русской, им пережитой. А в Вермонте было невозможно их писать, может быть, потому что это была для Солженицына за граница именно в природе, которая Солженицыну недостаточно говорила. Вермонт был ему всегда, несмотря на красоту, чужд. У него нет лирики Вермонта. Интимных моментов с той природой я не помню: он не узнавал себя в ней. И мы с Александром Исаевичем там сравнительно мало гуляли, отчасти по той причине, что ему не хотелось быть слишком замеченным, но не только. К слову, между французской и русской природой есть сходство, хотя русская природа абсолютно уникальна. Я знаю больше всего Подмосковье, люблю всё, что на юге от Москвы, немножко и на севере. А вермонтская природа – яркая, сильная, броская и, скажем, в птицах – очень шумная. Ничего такого располагающего к медитации нет. И вообще, вся Америка немножко такая сильная, и в своих городах, и в своей природе. Я её не всю знаю, может быть, там есть какие-нибудь районы более мягкие.

– *Что объединяет крохотные рассказы в циклы, что составляет их стержень?*

– Теоретически непреднамеренно (хотя циклы, конечно, построены) и первый, и второй завершаются «Молитвами». Я думаю, что это некое тайнопись. Но Солженицын всё-таки удивительный литературный архитектор. Эти три тома «Архипелага...» Это всё невероятно построено, хотя и кажется непостроенным. И здесь, я думаю, не случайно, что он закончил «Молитвами». Он же помнил свой первый цикл. Первая молитва – это о нём самом, а вторая о России. Первая сконцентрирована на себе, но он ведь себя идентифицировал с Россией. И это естественно, потому что так пострадал. Эта идентификация себя с Россией от перенесённого страдания видна, например, и у А. А. Ахматовой³. Конечно, первые «Крохотки» гораздо больше укоренены в русской природе, в русской истории. Что интересно, в каком-то смысле – это единство обоих циклов. «Лиственница», «Молния», «Колокол Углича» и «Колокольня» – это всё воспоминания. Мне не нравится, что они здесь (томик, который взял Никита Алексеевич для освежения памяти) напечатаны в хронологии, потому что я их чувствую едиными, и они едины всё-таки по интенции.

– *Молитвенный дух присутствовал в Александре Исаевиче? Его расположенность к молитве – это художественный ход или...?*

– Нет-нет, это было несомненно что-то ему органичное, иначе быть не могло, я думаю. Иначе он бы и не понимал. Всё, что он пишет, – всё автентично. Когда говорит, что молитва помогает жить или что молитва примиряет со смертью, – это всё автентично. Это его стояние в саду, может быть, была молитва, я не знаю. Но ничего показного, ничего внешнего.

– *Прослеживается ли духовное возрастание в период, разделяющий написание первого и второго циклов «Крохоток»?*

– Александр Исаевич целостен на протяжении всего своего творчества. «Матрёнин двор» написан в самом начале. И его религиозность тогда была в становлении, она была живая. Она была подлинная. Но началась она, и даже скорее завершилась (потому что началась она ещё в детстве), думаю, – в Ташкенте, в умирании. Он несколько раз ждал своей смерти, в каком-то плане мы все это испытываем немножко, но он умирал по-настоящему. Это подтвердила его врач, которая лечила его в Ташкенте. Она говорила: «Мы были уверены, что он умрет». А у Солженицына всё-таки было ощущение того, что он отмечен Провидением. В общем, во что он верил абсолютно – это в Провидение. Или стал верить в него. У него не было большого опыта воплощённой церковной жизни, кое-что он не знал. Иногда он мог некоторые вещи спрашивать, на которые я не всегда мог ответить.

– *Никита Алексеевич, второй цикл характеризует более проявленная, чем в первом, эсхатологическая нацеленность текстов, с чем это связано? Это естественная тенденция, связанная с приближающейся и потом уже наступившей старостью?*

– Это очень трудно выразимо, а Солженицын выражался в основном в творчестве. Нет, он, конечно, пишет, что в старости мы больше думаем о смерти. Ясно. Несколько раз он назначал мне свою смерть в последние годы жизни. Я был у него, скажем, в мае месяце почти каждый год, и эти последние годы он говорил: «Я не переживу осени». Но он переживал её. Так что мысль о смерти, конечно, была – всё-таки он умер восьмидесяти девяти лет. Так что... Между своим восьмидесятипятилетием и восьмидесятидевятилетием он болел разным. Естественно, в каком-то возрасте, когда наступают болезни, думается о смерти. Например, у меня жена старше – ей восемьдесят восемь, она все время говорит, что скоро умрёт. Но человек в своей смерти не волен. В случае же с Солженицыным это отчасти так и было. Он пишет, например, замечательную главу в «ГУЛАГе» о смерти... где грек умирает, принимая смерть, сам он соглашался на смерть, но ей не поддавался. Всё написанное им – это блестящая литература, но ведь и материал абсолютно подлинный. Особенно

то, что в личном порядке. А говоря о «Крохотках», он сам – их герой.

– *Что рождает возможность писать о зле, не сомневаясь в добре? – «Ковыряй, Витька, долбай, не жалея! Кино будет в шесть, танцы в восемь...» – концовка миниатюры «Путешествуя вдоль Оки». Человеческие образы далеки от идеала. Где таится та «неистребимая человечность», в которую, по Вашей мысли, верит Александр Исаевич?*

– В этом-то и есть человечность, что всё-таки человек не всё время стоит на вершине. А тоже бывает и внизу: у разных людей свои слабости. Солженицын об этом и пишет. А чтобы быть универсальным и человечным, нужно знать и человеческую слабость, и холодность, и ущемлённость. Хотя он был одновременно и выше всего этого. В нём всё удивительно в вечной цельности, и в нём, как во всяком гениальном человеке, есть соединение противоположностей. Он был необычайно властным человеком. Он свою жизнь строил, и своё творчество строил, но, вместе с тем, он был ведом – ведом Провидением. И это он чувствовал. Но это не значит, что он был безупречным. Александр Исаевич видел и знал свои недостатки, значит, и людей вообще. Но, в основном, всё его творчество – во славу человека. И как вы верите в человека, читая Солженицына, так и он верил. Без веры невозможно было бы писать. А он верил и в Россию, и хотел верить в Россию. Ведь и в «Крохотках» в «Молитве» он просит Господа: «Сделай так, чтобы Россия не погибла». Но под конец он несколько в ней разочаровался. Постфактум и я считаю, что Россия не могла бы воспрянуть так просто. На каких основах? У неё были основы: и

культура, и религия – тогда она несла свое слово человечеству.

– *Каким Александр Исаевич был в общении, в быту?*

– У меня так и осталось впечатление, что он сверхчеловек в чём-то, но и человек. А сверхчеловек – это не так просто, для этого, наверное, надо быть глубоко человеческим. Он сверхчеловек потому, что так смог преодолеть все то, что с ним произошло. Но, кроме того, он был необычайно добрым, признательным. Всё-таки я испытал это на себе, и я знаю, что также многие испытали это. Испытали те, кому повезло быть его «невидимками», его подручными, полезными, потому что всегда было дело. А он, конечно, целиком был в деле. Но никогда не было никакого давления с его стороны, напротив, я всегда считал себя незаслуженно им приближенным. И мне повезло, что я знал не только его величие, но знал его и за теннисом, например.

– *Спасибо Вам, Никита Алексеевич.*

Беседу вела Мария Ковалева

Примечания

- ¹ См.: *Солженицын А.* Эпюды и крохотные рассказы : Дыхание ; Озеро Сегден ; Прах поэта ; Утенок ; Отражение в воде ; Город на Неве ; Костер и муравьи ; Приступая ко дню ; Гроза в горах ; Вязовое бревно ; Шарик ; На родине Есенина ; Колхозный рюкзак ; Мы-то не умрем ; Путешествуя вдоль Оки // Грани. Frankfurt a/M, 1964. № 56. С. I–XI. (Рукопись из России).
- ² *Солженицын А.* Крохотки // Новый мир. 1997. № 1. С. 99.
- ³ См.: *Струве Н.* Восемь часов с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 118–127.